

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

БК

Джон Диксон
Карр
МЕРРИВЕЙЛ,
МАРЧ
И УБИЙСТВО

« А З Б У К А »

Расследование ведет Генри Мерривейл

Классика детектива. Большие книги

Джон Карр

Мерривейл, Марч и убийство

«Азбука»

1938-41

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Карр Д. Д.

Мерривейл, Марч и убийство / Д. Д. Карр — «Азбука»,
1938-41 — (Классика детектива. Большие книги)

ISBN 978-5-389-32719-1

Золотой век детектива подарил нам множество звездных имен. Произведения таких писателей, как Агата Кристи, Гилберт Честертон, Эрл Стэнли Гарднер, Рекс Стаут, развивали и совершенствовали детективный жанр, их романы, безоговорочно признанные классикой, по сей день любимы читателями и являются эталоном качества для последующих поколений авторов детективных историй. Почетное место в этой плеяде по праву принадлежит Джону Диксону Карру (1906–1977) – виртуозному мастеру идеально построенных «невозможных преступлений в запертой комнате». Цикл детективных рассказов «Мерривейл, Марч и убийство», в котором читатель, кроме сэра Генри, встретит еще одного сыщика – полковника Марча из Департамента странных жалоб.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-32719-1

© Карр Д. Д., 1938-41

© Азбука, 1938-41

Содержание

Новый человек-невидимка	7
Преступление в ничьей комнате	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Джон Диксон Карр

Мерривейл, Марч и убийство

"John Dickson Carr

THE NEW INVISIBLE MAN

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1938

THE CRIME IN NOBODY'S ROOM

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1938

ERROR AT DAYBREAK

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1938

HOT MONEY

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1939

DEATH IN THE DRESSING-ROOM

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1939

THE SILVER CURTAIN

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1939

THE FOOTPRINT IN THE SKY

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1940

THE HOUSE IN GOBLIN WOOD

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1947

ALL IN A MAZE

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1956

THE EMPTY FLAT

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1939

WILLIAM WILSON'S RACKET

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1941

Published by arrangement with David Higham Associates Limited
and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

© Н. К. Нестерова, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®"

* * *

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Новый человек-невидимка

Такси доставило его на Дерби-стрит к главному входу в здание Нового Скотленд-Ярда. Хорошо одетый мужчина с глазами навывкате, длинным носом и нарочитой серьезностью манер выглядел таким взволнованным, что дежуривший у дверей констебль не смог разобрать ни единого слова из сказанного им.

– Его убили прямо у меня на глазах! – быстро, сбивчиво бормотал новоприбывший, придерживая свою шляпу-котелок, словно опасаясь, как бы ее не унесло ветром. – Меня тоже могли убить... едва не убили – вторая пуля попала в абажур лампы возле меня, и...

– Успокойтесь, сэр! – ласково обратился к нему представитель закона. – Кто это сделал?

– Пара перчаток, вот кто! – ответил новоприбывший.

– Пара чего?

– Пара перчаток. Только рук в них не было. И рядом тоже никаких рук, никакого тела. Это сделал невидимка. И будьте уверены, следующей он убьет ту девушку!

Констебль отступил на шаг и окинул мужчину внимательным взглядом. На умалишенного не похож. Его глаза слезились, он судорожно глотал влажный холодный воздух, а изо рта вырывались облачка пара.

– Конечно, сэр, – сказал наконец констебль. – Ступайте по коридору прямо, первый поворот, третья дверь слева.

Он повторил заученную инструкцию. Дверь, о которой шла речь, украшала табличка с лаконичной надписью: «Д–3, ПОЛКОВНИК МАРЧ», но сколько за ней рассказывалось удивительных историй! Здесь находилось подлинное вместилище самых невероятных жалоб, и существовало оно лишь для того, чтобы принимать все новые. В лондонскую полицию приходили незнакомые люди с заявлениями, не выдерживающими никакой критики и не поддающимися законам здравого смысла. Но если заявитель не производил впечатления законченного безумца, все случаи расследовались, а их сбором занимался департамент Д–3.

Д–3 располагал своим штатом, состоящим из инспектора (в прошлом – капитана) Робертса, который служил под началом полковника Марча. Департамент не подчинялся заведенному в полиции распорядку и находился в непосредственном ведении комиссара. Считалось, что полковника Марча поставили во главе департамента, поскольку ничто на свете не могло его удивить. Он являлся кладезем обширной, но совершенно бесполезной информации, а кроме того, имел страсть к разгадыванию всевозможных головоломок начиная с обычных пазлов. Те, кому доводилось миновать приемную с инспектором Робертсом, попадали в кабинет полковника, где их встречал доброжелательный крупный (весом в семнадцать стоунов)¹ мужчина с веснушчатым лицом, любознательными голубыми глазами и коротенькой трубкой, торчащей из-под аккуратно подстриженных усов, которые при разном освещении казались то светло-рыжими, то седыми.

Тем утром взбудораженного посетителя в котелке пустили в кабинет. Полковник Марч сообщил инспектору Робертсу, что дела у их департамента все равно идут неважно и стоит хотя бы выслушать этого человека.

– Я прекрасно понимаю, – с чувством собственного достоинства заявил новоприбывший, – что вы можете счесть меня сумасшедшим. Хорошо. Назовите меня безумцем... – Природная осмотрительность заставила его осечься. – А впрочем... нет, лучше не называйте. Полагаю, я просто немного расстроился. Но согласитесь, одного моего имени и репутации достаточно, чтобы гарантировать правдивость всего мной сказанного? А зовут меня Родман,

¹ Стоун – британская единица измерения массы, равная примерно 6,35 кг. Обычно используется для измерения массы тела человека. – Здесь и далее примеч. перев.

Горацио Родман. Я старший партнер в компании «Родман и Хьюз», мы консультируем по вопросам бухгалтерии и налогообложения. Я уже шестнадцать лет проживаю в Хэмпстеде, на Николас-роу, в доме номер двадцать четыре. Сэр, на моих глазах совершилось убийство, но, видит бог, никто в это не верит. – Его голос звучал взволнованно и хрипловато, как у астматика.

– Не волнуйтесь, – успокоил его Марч. – Я знавал одного человека, у которого возникли похожие затруднения. Постарайтесь успокоиться.

– Боюсь, я не знаю, как это сделать, – резко ответил Родман после небольшой паузы. Задумавшись, он продолжил: – Это связано с новым многоквартирным домом, его недавно построили, прямо напротив моего жилища на Сент-Николас-роу. – Он снова углубился в размышления. – Ради этого жилого комплекса снесли несколько зданий. Я дружу с миссис Этчисон из дома номер восемнадцать, и она сказала, что совсем не сожалеет о сносе двадцать третьего дома, ведь во времена ее бабушки о нем ходила дурная слава.

– Хотите сказать, что в этом доме обитали призраки? – заинтересованно спросил Марч.

– Нет, нет и нет! – воскликнул Родман и добавил: – Ничего такого я не говорил. Я и представить не могу, чтобы какой-нибудь... кхм... призрак переселился в это модернистское здание через дорогу. Давайте я расскажу вам о его архитектуре, ведь это непосредственно связано с тем, что я там увидел. Возможно, вам попадались на глаза эти новые здания в испанском стиле, покрытые желтой штукатуркой, с зелеными дверями и оконными рамами. Все углы у них сглаженные, а в каждой комнате – одно длинное, похожее на стеклянную дверцу серванта окно во всю стену. Так вот. Через это окно я все и увидел. Понимаете, дом еще не до конца заселен. В окнах виднеются вывески о сдаче внаем, заехало только три или четыре семьи. Я питаю большой интерес к моим ближним, – решительно заявил Родман. – Изучаю человеческую природу, и мне все равно, что об этом подумают другие. Итак, я обратил внимание на одну пару, которая живет в четырехкомнатной квартире, их окна находятся прямо против окон моего третьего этажа. Их зовут мистер и миссис Джеймс Хартли. По крайней мере, они так представляются. Муж – невзрачный молодой человек, водит двухдверный «хиллман» тридцать шестого года и работает в Сити. А жена – настоящая красавица и, мне кажется, весьма утонченная натура. – Родман смутился от внезапно охвативших его лирических чувств. – Я несколько раз замечал, как юная леди куда-то уходит или возвращается домой, а однажды встретил ее на улице. Еще я видел, как она, обмотав какой-то тряпкой голову, мыла окна. Миссис Этчисон сочла такое поведение неподобающим. Мистер и мисс Полус из двадцатого дома такого же мнения. Я только могу сказать, – с особым чувством произнес мистер Родман, – что не согласен с ними. У нее ярко-рыжие волосы. И, насколько я могу судить, она очень боится чего-то. Только не думайте, что это все мои фантазии! Вы просто не видели ее лица после того, что случилось. А я видел... Понимаете, это произошло вчера вечером, двенадцатого февраля, когда я уже ложился спать. Моя спальня на третьем этаже, и окна выходят на улицу. Обычно я ложусь ровно в одиннадцать, но вчера припозднился и весь вечер не находил себе места. Сам не знаю почему. Перед тем как погасить свет, я подошел к окну задернуть занавески. И вот так получилось, что я заглянул в темное окно напротив, меньше чем в сорока футах от меня. На окне не было ни штор, ни занавесок. Это не гостиная и не спальня мистера и миссис Хартли. Видите ли, комната все еще не обставлена, только ковры на полу и какая-то старая мебель. Я видел эту комнату при дневном свете и знаю, что она не больше десяти квадратных футов, с голыми стенами, покрашенными в кремовый цвет, лакированными кремовыми дверями и серыми коврами. Ночь выдалась тихой и очень холодной. Прямо под окнами этой квартиры стоит уличный фонарь с двумя светильниками, их тусклые отблески падают на желтовато-зеленые стены дома и проникают в комнату за окном. Вдруг кто-то, низко согнувшись, быстро и осторожно прошел через комнату. Сначала я не придавал этому особого значения. Но потом присмотрелся... И надо же! Человек держал пистолет, а на руках у него были грязные

белые хлопковые перчатки. Я увидел, как он прижал к оконному стеклу одну из ладоней, и она напомнила мне морскую звезду.

Родман сделал паузу. Полковник Марч с сосредоточенным видом наклонил свою большую голову со светлыми рыжеватыми волосами. Он покосился на инспектора Робертса. Тот уже не был уверен, что их посетитель начисто утратил душевное равновесие.

– Вы видели все это из окна соседнего дома? – уточнил Марч.

– Я прибегнул к помощи полевого бинокля, – неожиданно надменно ответил Родман. – Будьте так любезны, не перебивайте меня. Человек снял перчатки и положил их вместе с пистолетом на круглый стол посередине комнаты. Потом подошел к окну и включил свет. На потолке около окна висит пыльная лампочка без плафона. Но освещения оказалось достаточно, чтобы я мог хорошенько рассмотреть его лицо. Это был не Джеймс Хартли, я никогда прежде не видел этого человека ни в одной из тех квартир. Но каждый жест, каждый поворот головы говорил о том, что передо мной старый греховодник. Злое лицо, пышные длинные усы, очки с толстыми стеклами, отчего взгляд казался особенно пристальными, как у доктора Криппена². Одет он был в пальто с меховым воротником. И вот старик начал ощупывать оконную раму, словно искал там что-то. Не забывайте, в комнате почти нет мебели. Я видел ее целиком. Там никого больше не было. В комнате три двери кремового цвета. Одна – прямо напротив окна. И еще по одной в двух боковых стенах. Я заметил бы, если бы хоть одна из них приоткрылась на дюйм. Но ничего подобного не произошло. Из предметов мебели там только обычный кухонный стул около окна и столик посередине, на который старик положил пистолет и перчатки. Комната – коробка с тремя дверьми и окном. Никаких щелей и ниш, где можно спрятаться. Итак, старик стал ощупывать оконную раму. Наконец он открыл большую оконную створку и высунул лысую голову. Я хорошо запомнил, как его тень в свете уличного фонаря упала на покрытую желтой штукатуркой стену. Он свистнул как-то по-особенному, и этот свист громко разнесся по тихой улице. Затем старик убрал голову и закрыл окно, все это время оставаясь спиной к двери напротив. Если свист служил сигналом, то на него ответили. Кто-то дважды выстрелил в него, практически в упор. Поверьте мне, стрелявший находился между столиком посередине комнаты и дверью напротив окна. И стреляли из того тяжелого пистолета, который лежал на столе. Я все видел. Первая пуля попала старику в грудь. Он отпрянул обратно к окну и упал. Вторая пуля не попала в цель, она вылетела в окно, разбила мне оконное стекло, а потом и стеклянный плафон в футе от моей головы. Я видел руку с пистолетом, но в комнате больше никого не было! – Родман дважды кивнул. – Знаете, у меня ведь есть пуля, – добавил он с какой-то мрачной надеждой в голосе. – Я выковырял ее из стены моей спальни и принес с собой.

Полковник Марч встрепенулся. На его большом лице появилось насмешливое выражение, но никакого скептицизма в нем не наблюдалось. Он постучал пальцами по столу, перед которым сидел Родман, как будто они играли в шашки и полковник собирался сделать очередной ход.

– Минуточку, – вставил он, – я правильно понимаю, что вы видели, как пистолет выстрелил?

– Видел.

– Где именно пистолет находился?

Лицо Родмана побагровело.

– Его держала одна из тех больших перчаток в глубине комнаты.

– Он был на столе?

– Нет, над столом.

² *Хоули Харви Криппен* (1862–1910) – американский врач-гомеопат и дантист, казненный за убийство своей жены. Преступление имело широкий общественный резонанс, подсудимый не признал своей вины, а историки-криминалисты до сих пор не сошлись во мнении, действительно ли он был убийцей.

– Ясно. И помещение, где находился убийца, хорошо просматривалось?

– Да.

– Отлично!.. Робертс, вам есть что добавить?

– Знаете, сэр, это все очень интересно, – улыбнулся инспектор Робертс, – но где же труп?

Когда происходит убийство, об этом обычно заявляют в полицию. Мистер Родман говорит, что все случилось вчера вечером. Значит, расследованием должен был заняться отдел «Ф». Но сегодня утром я разговаривал с инспектором, который отвечает за этот участок, и он мне ничего не сказал.

– Ах да. Я об этом знаю, – бросил Родман, чье лицо все еще оставалось пунцовым. – Видите ли, я вам еще не сказал о самом ужасном. Я могу продолжить? Спасибо. Я был потрясен, и мне не стыдно в этом признаться. Первые несколько секунд я даже не мог двинуться с места. Я знал, что должен пойти туда. Из чувства долга. К тому же мне просто стало любопытно. Но сначала нужно было отыскать полицейского. Я быстро спустился, надел пальто и шляпу и выскочил на улицу. Найти полицейского не составило труда. Патрульный констебль тоже слышал выстрелы и поспешил на шум. В том окне свет больше не горел. Я рассказал полицейскому об увиденном, но, полагаю, он не все понял, и мы вместе отправились в ту квартиру. В доме два лифта, но они не работали. Швейцара нам тоже не удалось найти. Внутри здание напоминает большую бетонную коробку, где каждый шорох отдается гулким эхом, а из освещения есть только несколько светильников из матового стекла. Но я знал номер квартиры семейства Хартли. Миссис Этчисон удалось его выяснить. Мы поднялись и постучали. Примерно через минуту дверь открыла миссис Хартли. Кхм... ее зовут Элизабет, или Бетти. На ней был розовый пеньюар, и выглядела она так, словно только что проснулась. И все же я заметил испуг на ее лице. Но проблема в том...

– И в чем же? – живо поинтересовался полковник Марч.

– Миссис Хартли заявила, что в квартире ничего особенного не произошло, что она уже легла спать и никаких выстрелов не слышала. На это констебль вполне закономерно спросил: «Послушайте, мэм, выстрелы точно были, я сам их слышал. А этот джентльмен утверждает, что одним из них его чуть не убили». Она ответила, что у внутренних стен в квартире хорошая звукоизоляция. Стоит отметить, что так оно и есть. Мы потребовали, чтобы нам показали пустующую комнату. Миссис Хартли не стала возражать. Дверь в комнату находилась в прихожей, около нее в кучу было свалено всякое барахло: швейная машинка, большая коробка, заполненная фотографиями в рамках, какие-то плакаты и складная японская ширма, на которую констебль имел неосторожность наступить. Мы все это убрали и вошли внутрь. И тут у меня возникло странное ощущение, словно вместо мозга в черепную коробку мне засунули губку. Старика, которого я видел, в комнате не оказалось – ни живого, ни мертвого. И отверстия от пули в окне тоже не было. Не было отверстия от пули в окне, – повторил он. – Знаете, джентльмены, меня это озадачило даже больше, чем отсутствие трупа. Убийца мог вытащить жертву или спрятать ее до нашего прихода. Мог. Но как пуля тридцать восьмого калибра (она сейчас у меня) пролетела сквозь оконное стекло той комнаты, прежде чем попасть в окно ко мне, не оставив на этом стекле ни царапины? Перчатки и пистолет тоже исчезли. Скрывать не стану, полицейский посмотрел на меня очень подозрительно. Я обошел комнату и в тот момент, вероятно, напоминал терьера, идущего по следу дичи. Но меня это не волновало! Поверьте, я не мог ошибиться и войти не в ту комнату. Напротив окна моей спальни находится именно она. Вы должны сами в этом убедиться. Я увидел серый ковер и кремовые стены. Кухонный стул. И столик. И три двери, которые располагаются на равном друг от друга расстоянии. Та, что напротив окна, вела в прихожую. Дверь справа – в гостиную, а слева – в пустую гардеробную. Из своего окна я не смог рассмотреть только батарею под окном. Да еще на сером ковре виднелся длинный треугольный отпечаток. Миссис Хартли объяснила, что раньше там стояла складная ширма, пока ее не вынесли вместе с остальным старьем. Но честное слово, миссис

Хартли чего-то боялась. У нее очень выразительные карие глаза, и в ту минуту она, кажется, даже не слышала меня. Просто стояла с покрасневшимся лицом, зябко куталась в пеньюар и выглядела растерянной и напуганной. Я предупредил леди для ее же блага, что, если она связалась с ворами и убийцами, ей придется об этом пожалеть. – Родман кивнул и продолжил: – Затем ворвался ее муж – и начался настоящий кошмар. Он вбежал, на ходу запахивая халат и вопя, что его разбудили наши крики посреди ночи. Я не кричал. Но он разбушевался не на шутку. Его волосы растрепались и нависали надо лбом, как козырек кепки, а лицо, надо сказать, абсолютно невзрачное и неприятное, казалось просто пугающим. Констебль стал извиняться, но я ничего подобного не сделал. «Никогда не извиняйся, ничего не объясняй», – таков мой девиз. Можно сказать, девиз истинных аристократов. К сожалению, Хартли разозлился. Он отрицал, что видел старика или слышал шум. «Значит, на ваших глазах, – сказал он, – пара перчаток взяла пистолет и застрелила несуществующего человека? Разрази меня гром! И вы разбудили меня посреди ночи, чтобы рассказать об этом? А вы, случаем, не видели висящую в воздухе сигару, которая курилась сама по себе? Посмотрите на эту квартиру. Самая обычная квартира, по крайней мере я так считал до недавнего времени. Взгляните на эту дверь. Настоящая дверь, не бутафорская, и никакой человек-невидимка не входил в нее. Если хотите осмотреть здесь все, пожалуйста, смотрите. А потом убирайтесь!» Но продолжалось это недолго. Когда мы вошли в теплую гостиную, произошло одно событие, которое быстро погасило его гнев. До того момента я пребывал в полной растерянности, возможно, говорил слишком резко и вел себя бесцеремонно, но я привык, что мне подчиняются беспрекословно, спросите любого из моих клерков. А потом я понял, что был прав, когда увидел ее. Фотографию в старомодной рамке, ярко освещенную настольной лампой. Ошибиться я не мог – эти пронизательные глаза за очками ни с чем не спутаешь. На фотографии был тот самый исчезнувший старик. Хартли понял, что я увидел снимок, и выражение его лица тут же изменилось. Как и вся атмосфера в комнате. Он дернулся было вперед, чтобы заслонить фотографию или убрать ее, но я опередил его. К тому же Хартли так быстро сорвался с места, что поскользнулся на гладком ворсе ковра и, вероятно, подвернул лодыжку, поскольку шумно рухнул на пол, а лицо его тут же посерело. Миссис Хартли с криком бросилась к нему, приподняла за плечи, а потом обернулась ко мне, и я пришел в ужас от взгляда, которым она меня наградила. Неужели я это заслужил? Несколько минут спустя я вышел на улицу. Констебль посоветовал мне вернуться домой. Они предъявили доказательство своей правоты. Я не мог ничего возразить против истины. И вы наверняка посочувствуете мне, когда я скажу, что меня всю ночь мучили кошмары. Но я достойный гражданин, регулярно плачу налоги и хочу разобраться в этой истории до конца. На фотографии был дедушка Хартли, умерший еще до войны.

В этот момент в комнату молча вошел констебль и принес отчет. Тишину нарушил инспектор Робертс, подсыпавший угля в камин. Эхо пронзительного голоса Родмана, казалось, еще висело в воздухе, когда камин запыхал ярче, после того как Робертс поворошил угли кочергой. В этот момент констебль объявил:

– Сэр, к вам мистер и миссис Хартли.

– Попросите мистера и миссис Хартли подождать минуточку, – равнодушно сказал полковник Марч.

Он встал, подошел к камину и повернулся к нему спиной. Привычка стоять слегка наклонившись вперед и согнув руки в локтях у него сохранилась еще с армии, однако при всей напряженности этой позы его веснушчатое лицо выглядело веселым. Светло-голубые глаза смотрели на собеседника внимательно, а короткая трубка едва не подпалила ему нос, когда он громко усмехнулся.

– Сначала стоит обсудить это дело, – объяснил он. – Знаете, мистер Родман, я вам даже завидую. Молодое поколение назвало бы это ваше приключение крутым.

– Если вы хотите посмеяться надо мной... – ледяным тоном сказал Родман.

– Вовсе нет, – успокоил его полковник. – Я верю каждому вашему слову.

Инспектор Робертс был моложе полковника, но уже хорошо изучил его повадки. Он не выронил кочергу, которой все еще мешал угли, однако, судя по выражению лица, далось ему это с большим трудом.

– Так вы считаете, – воскликнул Родман, – что я видел...

– Призрака? О нет, – сказал полковник Марч и добавил, словно пытаясь его успокоить: – По крайней мере, не в этот раз.

– Значит, это было настоящее преступление? И настоящего человека застрелили настоящей пулей? Вы так думаете?

– Я в этом уверен.

Слова полковника потрясли Родмана, как будто он сам в это не верил.

– Но как? Я спрашиваю вас – как? В комнате никого не было, труп до сих пор не нашли, как утверждает ваш друг. Отверстия от пули в окне тоже не оказалось, и...

– Подождите немного, – прервал его Марч. – Робертс, пока не нужно ничего записывать. Прежде чем мы перейдем к делу, мне хотелось бы извлечь еще парочку алмазов из восхитительного повествования нашего друга. Мистер Родман, скажите, как давно Хартли поселились в той квартире?

– Кажется, они приехали в понедельник, две недели назад.

– До вчерашнего вечера вам приходилось бывать в комнате, где застрелили человека?

– Никогда.

– Тот маленький столик в комнате. Кажется, вы сказали, что он круглый. Он стоял на трех ножках?

– Разве я вам не говорил, что их три? Но, пожалуйста, выслушайте меня, – взмолился Родман, словно ему не давали вставить ни слова. – Если там все же произошло убийство, то кого убили? Я до хрипоты расспрашивал всех, кого только можно, но никто его не видел и ничего о нем не слышал. Куда подевался труп? И как это случилось? Его убил Хартли? Я прошу, вы как должностное лицо должны ответить по существу, если вам, конечно, есть что сказать. И какая разница, три ножки было у столика или четыре? Какое имеет значение, одна там дверь, или две, или даже шесть?

– Напротив, – возразил полковник Марч, – количество дверей чрезвычайно важно. Если бы в комнате была всего одна дверь, преступник ничего не смог бы предпринять.

– Но я же говорил вам, что никто не входил и не выходил ни в одну из этих дверей!

– Ну да, – сказал полковник Марч. – В этом я ничуть не сомневаюсь.

– Но тогда...

– Нет, ни слова больше, – с преувеличенным добродушием перебил Родмана полковник и, указав на него пальцем, продолжил: – Ведь вам все это очень нравится. Вам еще не доводилось испытывать такого волнующего восторга. И сюда вы пришли с намерением разыграть меня, разнести, так сказать, благую весть ужаса дальше. Ведь одной миссис Этчисон вам уже недостаточно, хочется расширить аудиторию. И теперь вы чертовски хорошо отработываете заранее подготовленные приемы... Попросите мистера и миссис Хартли войти.

Вероятно, читателям интересно узнать, насколько характеристика Родмана в отношении этой пары совпадала с действительностью. Вполне возможно, что он немного приукрасил миссис Хартли в своем романтическом воображении. Ничего неземного и возвышенного в Бетти Хартли не было. На пороге появилась красивая, пышущая здоровьем молодая женщина. Взгляд ее зеленовато-карих глаз мог показаться слишком тяжелым, но хорошенькие ямочки в уголках губ искупали этот недостаток. Из-под кокетливо заломленной набок коричневой велюровой шляпки волнами спадали густые золотистые кудри. У ее мужа, который шел следом, было волевое лицо, в выражении которого, однако, читалась легкая ирония. Увидев Родмана, оба замерли на пороге.

– Этого еще не хватало! – в сердцах воскликнула миссис Хартли.

– Входите, – пригласил их полковник Марч, раскачиваясь взад-вперед около камина. – Входите и садитесь. Это инспектор Робертс. Другого джентльмена вы, думаю, уже знаете. Мистер Родман рассказал нам сейчас очень интересную историю...

– Даже не сомневаюсь, – мрачно констатировал Хартли. – И что вы по этому поводу думаете?

– Я думаю, – ответил Марч, – что вы поступили очень глупо, явившись сюда.

В одном Родман оказался прав – Бетти Хартли выглядела испуганной.

– Это он настоял, – сказала она. – Я говорила, что не нужно приходить. Умоляла не делать этого, хотя и не по тем причинам, о которых вы можете подумать. Мы пришли рассказать нашу версию того, что случилось вчера вечером. Но раз мистер Родман настолько любезен, что...

– Моя дорогая юная леди, – сказал Родман так, словно начинал писать письмо. Но тут же спохватился и постарался говорить непринужденнее: – Пожалуйста, поймите, постарайтесь понять, что я действую исключительно в ваших интересах. Посмотрите на себя! Вы вся дрожите. Я всегда сам принимал решения и...

– Ой, да замолчите! – раздраженно перебила его миссис Хартли.

– Что касается меня, – весело заявил мистер Хартли, – я придерживаюсь такого понятия, как «состав преступления». Не хочу вам все объяснять, но уверен, что в детективном романе героям пришлось бы изрядно поломать голову над разгадкой. Вы не сможете повесить меня, пока не найдете хотя бы зубы или волосы жертвы. И в то же время я надеюсь, что, если по округе начнет разгуливать призрак, никто не обвинит в этом меня. – Он поднял глаза, и тон его изменился: – Так почему я поступил глупо, придя сюда?

– Потому что, если я правильно оценил ваши симптомы, вы должны сейчас лежать дома в постели, – ответил полковник Марч. Его голос стал резким. – У вас серьезно ранено плечо, в которое прошлым вечером стреляла ваша жена.

В кабинете повисла такая оглушительная тишина, что стали слышны даже тихие звуки вроде стука шагов и шума закрываемой двери где-то в здании. Лишь спустя какое-то время Горацио Родман осознал смысл слов полковника, вскочил и тут же снова сел. Впоследствии он рассказывал миссис Этчисон, что за всю свою жизнь редко испытывал такие сильные потрясения, как в тот момент, когда увидел испуг на лице Бетти Хартли. Но не меньше его поразили веселые усмешки, которыми обменялись Хартли и полковник Марч.

– Так вы заметили, – сказал Хартли. – Ну и слава богу.

– Кроме того, если вы снова не положите руку в перевязь, вашему доктору это очень не понравится, – настойчиво продолжил полковник, даже не пытаясь скрыть охватившей его веселости. – Прошу прощения, миссис Хартли. Я понимаю, что стрельба в планы не входила, но у вас вряд ли возникнут проблемы из-за...

– Да как вы только можете стоять здесь и смеяться! – воскликнула молодая женщина. – Это было ужасно! Вы просто не понимаете! Я...

– Надеюсь, я все правильно понял, – возразил полковник и обратился к мистеру Хартли: – Вы театральный продюсер?

– И весьма успешный, – уверенно подтвердил он. – Две популярные постановки за последние два года. Пусть и не в Вест-Энде³. Но подождите! Вы слышали обо мне? Что смотрели? «Красную шараду» или «Мертвые голоса»?

– По правде говоря, ни то ни другое, – немного смутился полковник Марч. – Мистер Родман весьма подробно пересказал все, что вы ему говорили. И о вашей профессии я догадался по одной реплике о том, что дверь настоящая, а не бутафорская. Ведь такое слово, как «бута-

³ *Вест-Энд* – кварталы на западе Лондона, где находится много театров и концертных залов. Название стало нарицательным для обозначения лондонской театральной жизни.

форский», принадлежит театральной терминологии. И та большая коробка с фотографиями в рамках наверняка была из театра, а плакаты – театральными афишами. Но когда я услышал о длинном треугольном углублении в ковре, то понял, что вы, вероятно, пытались воспроизвести в домашних условиях одну знаменитую иллюзию. Не хотите рассказать, с какой целью?

– Мы собирались поставить на сцене «Человека-невидимку», – с энтузиазмом ответил Хартли. – Раньше еще никому не удавалось этого сделать. Но у меня получится. Слушайте! Если взять... – Он осекся. – Вам ведь знакомы основные принципы этого фокуса?

– Полагаю, они достойны упоминания, – с не меньшим энтузиазмом поддержал его Марч. – Речь идет о вариации на тему первой по-настоящему революционной сценической иллюзии последнего столетия. Маг и иллюзионист полковник Стодар впервые представил своего «Сфинкса» в тысяча восемьсот шестьдесят пятом году. На основе тех же принципов великий Маскелайн создал свой «Исчезающий кабинет». С тех пор появилось много похожих «призрачных» иллюзий. Вот что происходило во время представления «Сфинкса». Посередине сцены, задрапированной черными занавесками, стоял круглый столик на трех ножках. На этом столике появлялась голова без тела. Она разговаривала, отвечала на вопросы и все в таком духе, при этом публика видела, что ни под столиком, ни за ним и ни над ним никого нет. Вы ведь об этом слышали? А теперь представьте себе, как выглядит сцена. Она прямоугольной формы. В самом центре – треугольник, созданный ножками столика, и вершина этого треугольника направлена в зрительный зал. Вдоль двух сторон треугольника устанавливаются зеркала. Зрителям кажется, что под столиком они видят черную стену, которая находится за ним. На самом деле они смотрят на отражения двух боковых стен, точно так же закрытых черными занавесками и с таким же ковровым покрытием на полу. «Невидимое» тело, разумеется, скрывается за этими зеркальными пластинами. Вы, мистер Хартли, проявили большую изобретательность в усовершенствовании этого фокуса. В вашей комнате три светлые двери расположены на одинаковом друг от друга расстоянии. Одно из зеркал отражает нижнюю половину двери справа, другое – нижнюю половину двери слева. Стены выглядят совершенно одинаково, ковер доходит точно до плинтусов. Зритель, который окажется напротив столика, сочтет, что видит под ним противоположную стену, дверь в ней и ковер на полу. Но на самом деле перед ним совмещенное изображение фрагментов двух дверей в боковых стенах комнаты. Играя роль зловещего доктора Криппена с его ужасными усами, вам пришлось принять определенные меры предосторожности. Прежде чем включить свет, вы положили перчатки с пистолетом на стол и отошли к окну. В противном случае ваше отражение появилось бы в зеркале. После этого перчатки, которые надела ваша жена и помощница, могли появиться над столиком и показывать какие угодно трюки. Настоящий человек-невидимка!

Хартли отреагировал бесшумными аплодисментами. Бетти Хартли с трудом сдерживала слезы. А мистер Горацио Родман, похоже, был близок к истерике.

– Иллюзия! – завопил он. – Только не говорите, что я увидел иллюзию! Я не верю. Я с этим не смирюсь. Окно разбила настоящая пуля. Меня едва не убило. Но через их окно она пролетела, даже не...

– Попробуйте это объяснить, – вежливо предложил Хартли полковнику Марчу.

– Спасибо, – ответил полковник. – Поправьте меня, если я не прав, но это была ошибка. Ничего подобного вы не планировали, как не предполагали, что вас могут ранить. – Он повернулся к Родману. – В этой части истории мне удалось разобраться благодаря вашему подробному рассказу. Когда ночью вы ворвались в их квартиру, в маленькой комнате оказалось очень холодно. Вы подчеркнули этот момент. Однако в комнате есть батарея, а в квартире проведено центральное отопление. Сразу после этого вы рассказали, что зашли в гостиную, где было достаточно тепло. Возьму на себя смелость предположить, что причиной холода стало открытое окно или одна из его створок. Вы упоминали, что отдельные створки этого длинного окна открываются, как маленькие двери. Итак, зловещий усатый незнакомец открыл одну из ство-

рок, высунулся на улицу и свистнул, чтобы привлечь ваше внимание на случай, если вы еще не выглянули в окно. Он оставил створку приоткрытой и не собирался закрывать ее, пока вы с констеблем не ворвались в их дом. Думаю, через эту щель и вылетела пуля.

Хартли стоял с задумчивым видом, поддерживая руку.

– Мой дорогой дедуля, – проговорил он, – собирал пожертвования для церкви, но выглядел как настоящий злодей. Я попытался воспроизвести его внешний облик, ориентируясь на фотографию. В репертуаре некоторых театров идут пьесы, где фигурируют старые бандиты...

– Кажется, я схожу с ума, – перебил его Родман, не сводивший с Марча взгляда. – Что вы сейчас сказали? Он свистнул, чтобы привлечь мое внимание? Мое внимание? Зачем?

Хартли многозначительно посмотрел на свою жену:

– А это теперь ты объясни.

– Хорошо, – сказала Бетти, которая, казалось, с трудом сдерживала клокотавшую в груди злобу. Она повернулась к Родману. – Знаете, кто вы такой?

– Моя дорогая юная леди...

Дорогая юная леди вскочила, охваченная праведным гневом:

– Вы понимаете, что творите? Вы и ваша драгоценная миссис Этчисон? Или станете отрицать, что не подглядываете и не шпионите за нами, как и за всеми, до кого можете добраться, только еще хуже? И так продолжается с тех пор, как мы переехали в эту квартиру. Вы стараетесь все о нас разнюхать. Стоите у окна с биноклем и провожаете из комнаты в комнату, отчего моя жизнь стала совсем невыносимой. Честное слово...

– Проверьте, закрыта ли дверь, – тихонько сказал полковник Марч Хартли.

– ...И раз уж мы все равно хотели испытать эту иллюзию в деле, я подумала, что заодно стоит преподать вам урок и хорошенько припугнуть. Наверное, это я во всем виновата. Я думала, что тот пистолет из театра заряжен холостыми патронами. А это оказалось не так. Но я все равно рада, что разбила ваше чертово окно. Однако когда мы поняли, какой ужасный шум подняли настоящими выстрелами, то притворились, будто ничего не случилось, иначе вы заявили бы на нас в полицию из-за попытки покушения. Джиму пришлось бы все объяснять, и его затея с пьесой провалилась бы...

– Свет моей жизни, – обратился к ней супруг, пытаясь немного успокоить ее.

– Но разумеется, Джим не хотел сдаваться. Я отвлекала вас, пока он снимал дедушкин грим, вытаскивал зеркала, закрепленные под столиком, и прятал их, а также закрывал окно. Все остальное не так страшно, но я не могу простить вас за то, с каким праведным и победоносным видом вы схватили фотографию, а потом смотрели, как Джим поскользнулся и упал на ковер сразу после полученного ранения...

– Об этом, миссис Хартли, вы расскажете в другой раз, – перебил ее инспектор Робертс, выглядывая в окно. – Похоже, мистер Родман спешно покинул нас.

Она успокоилась и озорно улыбнулась:

– Просто гора с плеч. Но все равно мне ужасно жаль. Он может заявить на нас?

– Может, – кивнул Хартли. – Но сомневаюсь, что сделает это. Сразу поползут слухи...

Нет, вряд ли он на это пойдет. Ведь, если всему свету станет известно о его геройском поведении, он превратится...

Полковник Марч кивнул с поистине царственным видом.

– Совершенно верно, – сказал он. – В настоящего человека-невидимку.

Преступление в ничьей комнате

Оркестр гремел, свет сиял так ярко, словно на небе вошло семь солнц... правда, только в разыгравшемся воображении мистера Рональда Денэма. Он широко улыбался охраннику на парковке «Ридженси-клуба», пока тот помогал ему сесть в такси. Улыбался таксисту. Улыбался ночному швейцару, проводившему его до дверей квартиры на Слоун-стрит. Вдобавок у него возникло непреодолимое желание раздавать банкноты каждому, кто попадется ему на пути.

Впрочем, Рональд Денэм ни за что не признался бы, что выпил слишком много. Он не отрицал, что посетил прекрасную холостяцкую вечеринку по случаю скорой женитьбы Джимми Белчестера. Но Денэм считал себя высокодуховной личностью и делом доказал свою стойкость перед всевозможными излишествами, когда покинул вечеринку раньше большинства гостей.

В своей праздничной речи он упомянул, что через месяц сам собирается связать себя узами брака с мисс Анитой Брюс. Следует сказать, что Анита жила в одном с ним доме, в соседней квартире. По дороге домой эта мысль особенно грела ему сердце. Как и большинству людей, находящихся в благостном расположении духа, Денэму ужасно хотелось разбудить соседей и поговорить с ними. Аниту ему тоже хотелось разбудить, однако, поразмыслив, он решил этого не делать, после чего почувствовал себя едва ли не святым. Он даже не станет будить Тома Эванса, вместе с которым снимал квартиру. Правда, этот суровый и деятельный молодой человек обычно работал до поздней ночи, и Денэм мог вернуться раньше его.

За несколько минут до наступления полуночи Денэм вошел в фойе «Дома Медичи». Пирсон, ночной швейцар, проводил его до автоматического лифта.

– Сэр, все в порядке? – театральным шепотом спросил Пирсон.

Денэм заверил его, что все замечательно, и назвал Пирсона отличным парнем.

– Вам... э-э... не хочется петь, сэр? – с тревогой спросил Пирсон.

– Честно говоря, хочется, – ответил Денэм, которому до того момента подобная мысль даже не приходила в голову. – Пирсон, это такая блестящая мысль! Только никаких непристойностей. Лучше споем о возвышенных чувствах. К примеру...

– Честно говоря, сэр, – предостерег его Пирсон, – на вашем месте я не стал бы этого делать. Он наверху. Мы думали, что сегодня днем он уедет на неделю в Манчестер, но он передумал. И сейчас находится наверху.

Пирсон намекал на грозного деспота «Дома Медичи», «Дома Челлини», «Дома Бурбонов» и с полдюжины других, похожих на огромные улья жилищ. Сэр Руфус Арминдейл, верховный владыка этих зданий, не просто заполонил Лондон недорогими, но роскошно и современно обставленными многоквартирными домами. Он настолько гордился своим предприятием, что сам проживал в одной из квартир.

– Мне не нужны особенные апартаменты, – любил повторять он, для большей выразительности поднимая кулак. – Никаких замков в Суррее или бараков на Парк-лейн. Просто обычная квартира, причем даже не самая дорогая. В ней я чувствую себя особенно комфортно, и вы всегда сможете меня найти здесь.

Принимая во внимания все достоинства меблированных квартир Арминдейла, никого из жильцов не смущали авторитарные правила. А также одинаковая обстановка всех помещений и требование не менять расположение мебели, которое определил лично Руфус Арминдейл. «Дом Медичи» был выполнен в стиле Ренессанса, «Дом Бурбонов» – в стиле короля Людовика XV. Бесчисленные комнаты, как роскошные камеры, отличались друг от друга только безделушками на столах и картинами на стенах. Не все эти картины относились к образцам высокой живописи. И поскольку сам сэр Руфус коллекционировал живопись и нередко фотографиро-

вался в своей квартире на фоне любимых полотен Грёза⁴ и Коро⁵, этот факт вызывал некоторое раздражение у жильцов. Но Руфуса Арминдейла это совершенно не волновало. Хочешь – снимай квартиру, не хочешь – не снимай. Такой он был человек.

При других обстоятельствах с Рональдом Денэмом просто не случилось бы этого приключения. Он вернулся с холостяцкой вечеринки, последовал совету Пирсона и не стал пить, поднялся на лифте на третий этаж и направился к двери, за которой, как подсказывал ему опьяненный шампанским разум, находилась его квартира. То, что он поднялся на третий этаж, сомнений у него не вызывало. Пирсон видел, как он нажал на соответствующую кнопку в лифте. Но больше Денэм ни в чем не был уверен, поскольку в коридоре стояла кромешная тьма.

То ли дверь оказалась открытой, то ли к ней подошел его ключ, этого Денэм точно не запомнил, но, распахнув ее, он мысленно поздравил себя с возвращением домой. Голова немного кружилась. Денэм очутился в маленькой прихожей, где горел свет. В скором времени он, вероятно, переместился в гостиную. По крайней мере, обнаружил себя там, сидящим в кресле и созерцающим окружающую обстановку затуманенным взором. Здесь тоже горел свет – Денэм запомнил лампы с желтыми абажурами, узор на них напоминал драконов.

Он вдруг забеспокоился. Что-то в этих абажурах показалось ему странным. Немного рассмотрев их, он понял, что у них с Томом Эвансом таких в квартире не было. Как и бронзовых подставок для книг. Что до занавесок, то...

Вдруг из тумана, застилавшего глаза, выплыла картина, и Денэм молча уставился на нее. Это был маленький блеклый рисунок, висевший над буфетом. И тут он окончательно осознал, что пришел не в свою квартиру. К нему снова вернулась четкость зрения, и он понял, что все здесь совершенно другое.

– Вы уж меня простите! – сказал он вслух, вставая.

Ответа не последовало. Осознав, какую ужасную оплошность он допустил, Денэм почти сразу протрезвел. Куда же, скажите на милость, он попал? На третьем этаже находилось еще три квартиры. В одной жила Анита Брюс. Еще одну занимал бойкий молодой газетчик Коньерс, а в последней обосновался грозный сэр Руфус Арминдейл.

Денэма охватила паника. Он понял, что хозяин дома в любой момент может обрушить на него свой гнев, в худшем случае приняв за вора, в лучшем – за ищейку. Развернувшись, он бросился к двери и едва не столкнулся с еще одним визитером этой чужой квартиры.

Человек тихо сидел в высоком кресле у двери. Худой, пожилой, хорошо одетый мужчина в очках с толстыми линзами. Он, казалось, о чем-то глубоко размышлял. На мужчине были мягкая шляпа и зеленый клеенчатый плащ. Денэму этот плащ показался слишком ярким, даже кричащим для такого тихого на вид человека. Плащ поблескивал в тусклом свете.

– Пожалуйста, извините... – скороговоркой пробормотал Денэм и продолжил говорить еще несколько секунд, пока не понял, что человек сидит совершенно неподвижно.

Денэм протянул к нему руку. Это был один из тех гладких, почти бесшовных американских водонепроницаемых плащей. Желтый снаружи и зеленый внутри. По какой-то причине незнакомец надел его наизнанку. Когда Денэм собрался сообщить ему об этом, голова мужчины качнулась, а гладкая клеенчатая ткань снова заблестела. Тут Денэм увидел, что мужчина мертв.

Том Эванс вышел из лифта в пятнадцать минут второго ночи и обнаружил, что в коридоре совсем темно. Когда он нажал на выключатель у лифта и зажег свет, то замер на месте и выругался.

⁴ *Жан-Батист Грёз* (1725–1805) – французский художник, один из ярких представителей сентиментализма в живописи. Прославился как автор портретов и бытовых картин.

⁵ *Жан-Батист Камиль Коро* (1796–1875) – французский художник-пейзажист, работавший в стиле романтизма. Считается одним из предшественников импрессионизма в живописи.

Эванс, худощавый и смуглый, с темными бровями, пересекавшими лоб единой линией, чем-то напоминал нормандского барона из рыцарских романов. Некоторые, впрочем, могли бы назвать его бароном-грабителем, ведь он всегда носил при себе портфель и, несмотря на молодость, отличался жесткостью в делах. Однако увиденное заставило его сразу забыть о вечерней работе.

В коридоре, чуть в отдалении от лифта, виднелись четыре двери с крошечными черными номерами квартир на них. И около двери в квартиру Аниты Брюс на дубовой скамейке, сгорбившись, сидел Рональд Денэм с огромной шишкой на затылке. Он так тяжело дышал, что Эвансу это совсем не понравилось.

Пять минут назад Денэма ударили тяжелым предметом по голове, отчего он потерял сознание. А когда очнулся от страшной головной боли, первым делом увидел худое лицо и крючковатый нос Тома, склонившегося над ним.

Том, по обыкновению, начал читать ему нотации:

– Я не против того, чтобы ты напивался. – (Его голос звучал слабо и неразборчиво.) – Честного говоря, чего-то подобного я и ожидал. Но, по крайней мере, даже в пьяном виде нельзя забывать о приличиях. Что, черт возьми, ты собирался сделать? Эй!

– Он надел плащ наизнанку, – машинально пробормотал Денэм.

Затем к нему вернулась память, как новый приступ головной боли или неожиданно прогремевший взрыв, и он рассказал все, от начала и до конца.

– ...И поверь мне, в одной из этих квартир покойник! Думаю, его убили. Том, я не пьян, клянусь тебе. Кто-то подкрался ко мне сзади и ударил по голове, после того как я его нашел.

– Тогда как ты очутился здесь?

– Господи, да откуда я знаю? Не спорь, лучше помоги. Наверное, меня притащили сюда. Если не веришь, пощупай мой затылок. Просто потрогай его.

Эванс колебался. Но он был человеком практичным и не мог отрицать наличие ушиба. С сомнением окинув взглядом коридор, он спросил:

– И кто же этот мертвец? В чьей он квартире?

– Не знаю. Какой-то пожилой мужчина в очках и зеленом плаще. Я его раньше не встречал. Похож немного на американца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.